

Василиса Поповна

316[1]

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был Василий-поп. У него была дочь Василиса Васильевна. Одевалась она в мужское платье, ездила верхом на лошади, стреляла из ружья и всё делала совсем не по-девичьи, так что очень немногие знали, что она — девушка, а думали, что она — мужчина, и звали её Василием Васильевичем; а больше потому, что Василиса Васильевна была охоча до водки; а это, знашь, девушкам совсем не к лицу. Вот единова царь Бархат (так звали царя той стороны) поехал поохотиться за дичинкой, и ему навстречу попалась Василиса Васильевна. Ехала она верхом в мужской одежде тоже за охотой. Царь Бархат, увидав её, спрашивает у своих слуг:

— Кто это такой молодой человек?

Один слуга ему и отвечает:

— Это ведь, царь, не мужчина, а девушка; мне доведомо известно, что это дочь попа Василия и что зовут её Василисой Васильевной.

Лишь только царь Бархат воротился до двора, тотчас написал к попу Василию грамотку, чтобы он своего сына Василия Васильевича отпустил к нему в гости отвесть царского стола. А между тем сам пошёл к бабушке-задворенке-ягинишне и давай её выпытывать, как бы узнать, что Василий Васильевич точно девушка. Бабушка-задворенка-ягинишна и говорит ему:

— Ты по праву-то руку в палате своей повесь пята[2], а по леву-то руку ружья; если она точно Василиса Васильевна, то, когда взойдёт в палату, прежде всего хватится за пята, а если — Василий Васильевич, то за оружие.

Царь Бархат послушался бабушку-задворенку-ягинишну и велел своим слугам поставить в палату пята и развесить ружья.

Как только грамотка царская дошла до отца Василия и он показал её своей дочери, тотчас Василиса Васильевна пошла на конюший двор, оседлала для себя коня сивого, коня сивого-сивогривого, и прямо бух к царю Бархату на двор. Царь Бархат её встречает; она по-учтивому богу молится, по-писаному крест кладёт, на все четыре сторонюшки поклон отдаёт, с царем Бархатом ласково здоровается и входит с ним в царские палаты. Сели вместе за стол и

давай пить питья пьяные и есть яствы сахарные. После обеда Василиса Васильевна стала с царем Бархатом по палатам разгуливаться и как только увидела пята, то и учала царя Бархата осуждать:

— Что то, — говорит, — такое у тебя, царь Бархат, за дрянь? У моего батюшки этакого девичья шелепетья и видом не видать и слыхом не слышать, а у царя Бархата девичье шелепетье в палатах висится!

Потом она с царём Бархатом по-учтивому распростилась и поехала домой. Царь не мог изведать, что она точно девушка.

Этак дня через два, не больше, царь Бархат посылает опять к попу Василию грамотку и просит его отпустить к нему своего сына Василия Васильевича. Тотчас, как только Василиса Васильевна услышала об этом, пошла на конюший двор, оседлала для себя коня сивого, коня сивого-сивогривого, и пахнула[3] прямо к царю Бархату на двор. Царь Бархат её встречает. Она с ним ласково здоровается, по-учтивому богу молится, по-писаному крест кладёт, на все четыре сторонешки поклон отдаёт. Царь Бархат по наказу бабушки-задворенки-ягинишны велел к ужину сварить кашу и начинить её жемчугом; вишь, бабушка-то сказала ему, что если она точно Василиса Васильевна, то жемчуг будет в горсточку класть, а если Василий Васильевич, то под стол кидать.

Вот подошло время и ужинать. Сел царь за стол, а Василису Васильевну посадил по праву руку, и стали они пить питья пьяные и есть яствы сахарные. После всего подали кашу, и как только Василиса Васильевна её хлебнула и попалась ей жемчужина, она швырк её под стол вместе с кашею и учала царя Бархата осуждать.

— Что это, — говорит, — за дрянь такая в каше наладена? У моего батюшки этакого девичья шелепетья и видом не видать и слыхом не слышать, а у царя Бархата девичье шелепетье в кушанье кладут!

Потом она с царём Бархатом по-учтивому распростилась и поехала домой. Царь опять не мог изведать, что она точно девушка; а ведь это больно ему хотелось.

Дня через два царь Бархат по наказу бабушки-задворенки-ягинишны велел истопить баню; вишь, бабушка-то сказала ему, что если она точно Василиса Васильевна, то в баню вместе с царем не пойдёт. Истопили баню.

Опять царь Бархат пишет к попу Василию грамотку, чтобы он своего сына Василия Васильевича в гости к нему отпустил. Как только Василиса Васильевна узнала об этом, тотчас пошла на конюший двор, оседлала своего

коня сивого, коня сивого-сивогривого, и прямо бухнула к царю Бархату на двор. Царь её встречает на парадном крыльчке. Она с ним ласково здоровается и входит по бархатному коврику в палаты; взошед в оные, по-учтивому богу помолилась, по-писаному перекрестилась, на все четыре сторонushки низехонько поклонилась; села с царем Бархатом за стол и стала с ним пить питья пьяные и есть яствы сахарные.

После обеда царь и говорит:

— Не в угодую ли, Василий Васильевич, со мной в баньку сходить?

— Извольте, ваше царское величество, — отвечает Василиса Васильевна, — я давным-давно в бане не бывал и больно охоч париться.

Вот они и пошли вместе в баню. Поколесь царь Бархат разоблакался в передбанке, она в ту пору успела искупаться, да и была такова. Царь не мог и в бане её захватить. Василиса Васильевна, вышед из бани, писала меж тем к царю писульку и велела слугам отдать ему, когда он сам выйдет из бани. А в этой писулке было написано:

— Ах ты ворона, ворона, царь Бархат! Не умела ты, ворона, сокола в саду соймасть! А я ведь не Василий Васильевич, а Василиса Васильевна.

Вот наш царь Бархат и остался на бобах: вишь, какая Василиса-то Васильевна была мудрая, да и лепообразная!